

DOI: 10.12731/2218-7405-2017-6-19-28
УДК 316.4

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шульгин А.С.

Цель. Состоит в теоретическом анализе феномена экстремальности и социализирующей функции экстремальных субкультур в современном обществе.

Методы и методология проведения работы. Используются идеи социокультурного, интеракционистского, феноменологического и социопсихологического подходов.

Результаты. Произведена конкретизация проблемы в контексте определения социокультурных оснований экстрима. Определено понятие экстремальной субкультуры в качестве единицы, простейшего системного образования, отвечающего за актуализацию и репрезентацию экстремальности на культурном и социальном уровне.

Область применения результатов. Результаты исследования могут использоваться в научной и практической сфере, а также расширить научные знания о социокультурных основаниях и формах проявления экстрима в современном обществе.

Ключевые слова: феномен экстремальности; экстремальные субкультуры; социальная реальность; социальная система; социализирующая функция; репрезентация экстрима.

EXTREME SUBCULTURES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY

Shulgin A.S.

Purpose. It consists in the theoretical analysis of the phenomenon of extremality and the socializing function of extreme subcultures in modern society.

Methodology. *The ideas of sociocultural, interactionist, phenomenological and sociopsychological approaches are used.*

Results. *The problem is concretized in the context of the definition of the sociocultural grounds of the extreme. The concept of an extreme subculture as a unit, the simplest systemic formation responsible for actualization and representation of extremism at the cultural and social level is defined.*

Practical implications. *The results of the research can be used in the scientific and practical sphere, as well as to expand scientific knowledge about the sociocultural foundations and forms of manifestation of extreme in modern society.*

Keywords: *phenomenon of extremity; extreme subcultures; social reality; social system; socialising function; representation of extreme sports.*

В современном мире все более дает о себе знать феномен экстремальности, характеризующийся в качестве социально и культурно репрезентируемой модели поведения и отношения к реальности, возводящей в ценность практики, направленные на решительный выход за пределы зоны комфорта личности, достижение точки экстремума собственных возможностей с целью преодоления критической ситуации [3]. Феномен экстрима проявляется различными способами в зависимости от характеристики субъектов экстремальных практик, объекта экстрима и специфики способа отношения к нему.

Экстремальные практики, будучи в целом опасной формой деятельности, сопровождающейся выходом за пределы нормативной формы взаимоотношения человека и природы, человека и общества существуют и активно развиваются благодаря сильной аксиологической составляющей данной формы деятельности. Здесь можно говорить и о физиологических реакциях на опасность, и о психологической составляющей переживания экстремальной ситуации, и о символическом уровне освоения реальности, и о социальных функциях экстрима, соответственно, социальных основаниях экстремальности на уровне мотивации и репрезентации моделей экс-

трима. Существенную роль, в данном случае, играют субкультуры экстремалов, объединенные на основании солидарного отношения к экстремальным практикам, в общем, и на основании сходства форм реализации экстремальных практик, а также системы интерпретации и ранжирования в ценностном измерении определенных результатов в системе подобных практик [5].

Среди существующего разнообразия экстремальных субкультур нас интересуют спортивно ориентированные и преступные. Некоторые субкультуры настроены на то, чтобы демонстрировать себя (заявить о себе), такие субкультуры редко остаются незамеченными. Есть и такие, которые не ищут огласки, их существование незаметно, или, по крайней мере, не столь наочно, как в ряде других случаях. Медиапредставленность экстрима становится не только маркером его возрастающей популярности, но и одним из каналов репрезентации экстремальных моделей поведения.

На настоящий момент можно судить о возрастающей актуальности исследования феномена экстремальности в той форме, в которой он представлен в обществе. В связи с этим в исследовательской литературе появляются новые работы, освещающие те или иные стороны данного явления, хотя следует признать, что на настоящий момент тематика экстрима остается мало разработанной. Самое простое объяснение данного факта заключается в том, что научное познание ориентировано, в первую очередь, на исследование упорядоченной реальности, в связи с чем теоретическое рассмотрение типовых моделей устройства мира, общества является первоначальной целью. Только потом выработанные типовые модели становятся инструментарием для изучения того, что может быть характеризовано как особенное, а в некоторых случаях – уникальное. Характерной особенностью экстрима является выход за пределы нормы, соответственно исследование данного феномена предполагает наличие разработанного научного инструментария.

Экстремальные субкультуры представляют собой достаточно сложное, развивающееся явление. Экстремальность как социокультурный феномен активно входит в предметную область наук об обществе и

человеке, формируется ряд исследовательских контекстов, что зачастую преумножает исходную проблематику в связи с продолжающейся оставаться неопределенной понятийной системой, на фоне интенсификации процесса дифференциации направлений экстрима.

Наиболее освещенной остается тема экстремальных видов спорта в различных аспектах, таких как: социальная целесообразность развития в качестве самостоятельного направления; востребованность среди молодежи; воспитание личностных и физических качеств; уровень риска, травматизм; география экстремальных видов спорта; вопрос официального признания отдельных направлений, рассмотрение экстремальных спортсменов в контексте теорий психологической и социальной девиации, и т. д. [6]. Также, в поле теоретического исследования попадают направления экстрима, характеризующиеся нарушением общественного порядка. В основном это электричкинг и зацепинг, значительно реже паркур, ружинг, граффити [1]. Тематика преступности, в различных аспектах, хорошо представлена в исследовательской литературе, при этом крайне редко определяется связь с проблемой экстремальности, хотя некоторые из форм преступности могут быть определены в качестве разновидности экстрима.

На уровне общей методологии исследования феномена экстремальности актуализируется ряд теоретических вопросов, имеющих, в том числе и пропедевтический характер. Во-первых, это вопрос дисциплинарной определенности исследования, иными словами, в компетенции какого из разделов научного познания находится исследование экстрима? Данный вопрос коррелирует с теоретической проблемой определения базовых понятий «экстрим», «экстремальность», «экстремальные практики», «экстремальные субкультуры», «экстремалы». Определение понятий может быть как сущностным, так и инструментальным.

Сущностное определение экстрима и его производных форм является столь же необходимым, насколько необходима интегративная функция в системе научного познания. В противном случае утрачивается единство объекта, происходит утрата связи исследуемого

феномена с множеством теоретических контекстов, определяемых парадигмальными особенностями научно-исследовательских программ. Инструментальное определение, также, является важным этапом на уровне операционализации понятий, что согласуется с общенаучным требованием определенности исследуемого объекта и теоретического контекста, позволяющего сформировать собственное предметное поле.

Далее, следует отметить проблему классификации видов, форм, направлений экстрима [6]. Выработка критериев классификации, основанная на определенной системе терминов и категорий, необходимых для теоретической фиксации феномена экстремальности является предпосылкой перевода данной научной проблемы в статус научной задачи. Но и здесь возникают дополнительные трудности, связанные с фактором усложнения социальной реальности, и, как следствие, дифференциацией форм экстрима. Подобный уровень можно обозначить как общетеоретический, который является «исследовательской платформой» для постановки актуальных практических задач.

Практическая целесообразность исследования экстрима связана, прежде всего, с возрастающей его ролью в современном обществе, современной культуре. Распространение экстремальных практик, возникновение новых форм экстрима, формирование субкультур экстремалов происходит настолько интенсивно, что научное познание не успевает концептуализировать данный феномен на уровне многообразных форм его проявления. Между тем, актуальная социокультурная ситуация характеризуется ее логическим содержанием, в связи с чем становится необходимой понятийная определенность реальности. Получается парадоксальная, хотя в целом «нормальная» для научного познания ситуация: очевидна возрастающая роль экстрима в современном обществе, современной культуре, однако, остается неопределенным то, в чем именно заключается эта роль. Также неясно какова характеристика возрастающей роли в современном мире, с точки зрения оценки интенсификации явления. Идет ли речь о временном всплеске популярности экстремальных

практик, или же экстрим становится неотъемлемым компонентом социокультурной реальности? Важный вопрос состоит в том, какова функциональная определенность экстрима: является ли экстрим самостоятельным явлением, или же он осуществляется в качестве реакции на определенные социокультурные процессы? Определение функционального содержания экстрима становится необходимой предпосылкой теоретической оценки данного явления с точки зрения определения деструктивного или конструктивного потенциала и возможностей его реализации в социокультурной среде.

В контексте социологического исследования актуализируется, прежде всего, проблема социальной представленности экстрима [4]. Общая проблематика подразделяется на ряд частных вопросов. Первоначальный вопрос связан с определением социального статуса экстремальной деятельности, в отношении того, насколько можно рассматривать экстрим в качестве социальной нормы, или же он относится к числу социальных девиаций [5]. Также, в поле социологического познания, в качестве самостоятельного объекта, попадают экстремальные субкультуры, на базе которых формируются сообщества экстремалов. Актуальной задачей становится определение способов их социальной организации, а также того, как соотносятся данные локальные социальные группы с обществом в целом.

Обозначенные вопросы, несомненно, актуальны, но они предполагают рассмотрение социального измерения феномена экстрима в статике, так или иначе, абстрагируясь от факторов развития. Выходя на уровень социальной динамики, актуализируется проблема репрезентации форм экстрима в обществе, влияния экстрима на социальные процессы. Кроме того, актуализируется проблема изменения социального статуса экстрима, с перспективой институционализации отдельных его направлений.

Следует отметить, что первичным уровнем рассмотрения всякого социального явления в социологическом измерении, классическим продолжает оставаться теоретическое исследование в контексте реализации социализирующей функции. Социализирующая функция экстрима обуславливается тем, что он существует в качестве

социального явления, что тем самым предполагает наличие носителей, благодаря которым происходит репрезентация экстремальности сразу на двух уровнях – культурном и социальном. В этом отношении, содержание экстрима, как социокультурного явления, в значительной мере раскрывается в том, каковы механизмы его распространения в системе общества и культуры, а также в том, какова его роль в системе взаимоотношения человека и общества, человека и культуры.

Следует, однако, заметить, что проблема социализации личности, посредством приобщения к различным направлениям экстрима, все еще остается мало разработанной. При этом актуальность данной тематики обусловлена тенденциями усложнения социальной реальности, дифференциацией направлений и форм реализации экстрима, а также интенсификацией коммуникативных процессов, которые становятся средством репрезентации различных видов экстремальной мотивации и моделей экстремального поведения.

Социализирующая роль экстрима проявляется и в том, что экстрим привлекает, в первую очередь, молодежь, то есть тех представителей социума, которые еще не определили ключевые позиции отношения к обществу, чей процесс социализации еще далек от завершения [6]. Подобное обстоятельство позволяет нам определить в качестве самостоятельного теоретического аспекта исследования феномена экстрима социализирующую функцию, которая реализуется в отношении индивида, обратившегося к экстремальным практикам.

Социализация личности, посредством приобщения к субкультуре, имеет свои особенности. Здесь отчетливо наблюдается согласование двух параллельных процессов: восприятие символической модели реальности, характерной для данной субкультуры, которое осуществляется на мировоззренческом (мифологическом, эстетическом, этическом, религиозном и т.д.) уровне и восприятие статусно-ролевых моделей поведения, характерных для социальной системы, а также включенность в процессы социальной динамики.

Социализирующая функция субкультур определяется тем, что они актуально представлены в качестве социальных объединений,

направлений, движений. Субкультура понимается как ответвление от основной культуры, связанное с наличием неосвоенного символического пространства. В диалектике понятий «культура» и «общество», понятие «культура» обнаруживает ряд признаков, характерных для абстрактного понятия, мы можем рассматривать (теоретически) культуру отдельно от ее носителей [2]. Существует ряд контекстов, в которых культура рассматривается с идеалистической позиции, сближаясь с понятием «духовность». Между тем понятия «цивилизация», «общество» являются конкретными. Понятие «субкультура», в этом отношении обнаруживает проблематичность: с одной стороны, субкультура, подкультура – производное от культуры, следовательно, субкультура также обнаруживает свою идеальную природу и может быть определена в качестве абстрактного понятия, с другой стороны, на практике оказывается проблематично отделить субкультуру от локальной социальной группы ее носителей, в результате чего получает широкое распространение в исследовательской литературе отождествление понятий субкультура и социокультурное направление, движение. Обозначенный момент актуален и для субкультуры экстремалов. Данное понятие обозначает локальную социальную группу экстремалов, экстремальные движения, но с акцентом на мировоззренческой составляющей символического освоения культурной реальности. Таким образом, в тех случаях, когда идет речь о реализации социализирующей функции в рамках какой-либо из субкультур (в нашем случае это экстремальные субкультуры), «субкультура» употребляется в качестве конкретного понятия, то есть в качестве социальной системы, организованной на базе некоторой культурной составляющей, которая выступает в качестве видоизменяющего признака деления социальной системы, как общего понятия.

На наш взгляд, актуальным направлением исследования феномена экстрима является рассмотрение экстремальных субкультур в единстве социального и культурного измерения. Социальный и культурный уровень в системе экстремальных субкультур ока-

зываются взаимосвязанными. Социальный уровень определяет устойчивость характеристики принадлежности экстремалов к специфическому сообществу. Кроме того, на данном уровне реализуются механизмы социализации, как в локальном сообществе, так и в общей социальной среде. Неотъемлемым компонентом социализирующего уровня рассмотрения экстремальных субкультур является проблема социальной организации данных сообществ. При видимой простоте и в ряде случаев пропагандируемой идее равенства здесь могут быть свои варианты, позволяющие, в частности, различать спортивный тип экстремального сообщества, например, от преступного, по критерию внутренней социальной организации [1]. Культурный уровень позволяет говорить о мировоззренческих основаниях экстрима и о способах их репрезентации в информационной среде. Данный уровень является наиболее актуальным в тех случаях, когда экстремальность реализуется на уровне единичного носителя действия, которого проблематично отнести к социальной группе, что, однако не отменяет его культурную принадлежность [4].

Таким образом, рассмотрение экстрима в контексте исследования экстремальных субкультур, реализации социализирующей функции, представляет собой комплексную научную задачу, актуальность которой будет только возрастать по мере усложнения социальной реальности и дифференциации направлений экстрима.

Список литературы

1. Ворошилин С.И. Проблема классификации патологического рискованного поведения антисоциального характера и факторов его распространения на примере «Трейнсёрфинга» («Зацепинга») // Тюменский медицинский журнал. 2013. №1. С. 38–40.
2. Донских Д.Г. Понятие и соотношение терминов субкультура и контркультура. Криминальная субкультура // Бизнес в законе. 2009. №2. С. 251–253.
3. Иванов Е.В. Субкультура экстремалов: операционализация понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. №6. С. 41–43.

4. Кубякин Е.О. Экстремальность и экстремизм: пропедевтика социального основания // Общество и право. 2014. №3 (49). С. 265–267.
5. Пушкина П.С., Цирульникова Е.А. Субкультура экстремалов в жизни современного общества: социально-психологический анализ феномена // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1206–1210. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86261.htm>.
6. Тимофеев А.И., Кузнецова В.В. Экстремальный спорт: проблема критериев // Ученые записки университета Лесгафта. 2015. №7 (125). С. 220–224.

References

1. Voroshilin S.I. *Tyumenskiy meditsinskiy zhurnal*. 2013. №1, pp. 38–40.
2. Donskikh D.G. *Biznes v zakone*. 2009. №2, pp. 251–253.
3. Ivanov E.V. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2014. №6, pp. 41–43.
4. Kubyakin E.O. *Obshchestvo i pravo*. 2014. №3 (49), pp. 265–267.
5. Pushkina P.S., Tsirul'nikova E.A. *Kontsept*. 2016. V. 11, pp. 1206–1210. <http://e-koncept.ru/2016/86261.htm>.
6. Timofeev A.I., Kuznetsova V. V. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta*. 2015. №7 (125), pp. 220–224.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Шульгин Александр Сергеевич, аспирант кафедры философии, социологии и педагогике
Майкопский государственный технологический университет
ул. Первомайская, 191, г. Майкоп, 385000, Российская Федерация
emirtu@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shulgin Alexander Sergeevich, Post-graduate Student of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy
Maikop State Technological University
191, Pervomaiskaya Str., Maikop, 385000, Russian Federation
emirty@yandex.ru